

Литература, критика и искусство

Энергичные мбры

Рис. Мад-а

РУССКАЯ МЫСЛЬ

КН. I. 1927 г. ПАРИЖ

Нельзя не порадоваться возобновлению издания «Русской Мысли». С нею у всякого образованного русского человека связано много драгоценных воспоминаний. Сейчас журнал не собирается заниматься вопросами текущей политики, его преимущественно интересуют вопросы культуры, т. е. науки, литературы и искусства. Редакция правильно замечает, что «нужно жить и, живя, вбросить в будущее предание, любовно хранить сокровища прошлого, копиться всяческими силами, растить и развить; что «в живом» прошлом и «отягченном» настоящим покоится и зреть плодородная будущая».

Первая книга составлена разнообразно, интересно и в высшей степени содержательно.

Изящна миниатюра Бор. Зайцева «Приветель»: величавая простота соединяется в ней с глубоким религиозным чувством и истинной поэзией.

Хороши стихотворения Е. Журавской, возвращающая нас от манерничанья к ожившим современным поэтам, к здоровому источнику нашей литературы.

Переводы Ив. Тхоржевского из Поля Вальери и Гльба Струве из Райнера-Мари Рильке отлично передают дух подлинников.

Много дает читателю и характеристика Рильке, написанная Гльбом Струве, и письмо Рильке по поводу «Митинга любви» Бункина.

Статья К. Зайцева «Пушкин, как учитель жизни» представляет собою как бы параллельную оптику основ идеологии Достоевского и Пушкина. Итог разсуждений автора может быть выражен следующей цитатой: «Пока идет в русских сердцах борьба с нами с Богом, пока мы завоевываем себе право на жизнь, мы не должны отрываться от нашего вождя — Достоевского, но будем помнить, что когда кончится героический период борьбы за жизнь и надо будет жить и строить жизнь, у нас есть вождь, завещанный Достоевским — Пушкин».

Очень интересна статья того же автора «Грех писателя Чирикова», написанная спокойно и убедительно. К. Зайцев прав, говоря по поводу назумывающего романа Е. Чирикова «Звёзд» из бездны, что основной грех его — отсутствие художественной правды и что в нем художник оказался поблуднее политиком и публицистом. По существу, вообще, нельзя подходить к этому роману Е. Чирикова с художественной критикой, потому что художественного в нем ничего нет.

Из статьи «Белое движение» материала первой книги «Русск. Мысли» отметим статью Д. Гримма «Белое движение, его внутренний смысл и значение». Весьма выразительно помнит слова Д. Гримма: «Тот факт, что нашли русские люди, для которых режим физического и духовного рабства, уготованный большевиками всей страню, оказался морально непереносимым и которые не в слухах только, но и на деле... вступили с ним в борьбу не на живот, а на смерть, — уже этот факт сам по себе имеет огромное моральное значение, показывая, что существуют еще активные, живые национально настроенные творческие силы в русском народе, готовые скорее пожертвовать жизнью, чем отказаться от того, что составляет «святыню» их души. Смысл же белого движения во всех его формах заключается в том, что оно есть и останется

непримиримым врагом большевизма, вырабатывая и гласающая непрерывающейся и непрерывной борьбы с ним».

С обычным для авторов талантом написаны статьи И. А. Ильина «Самобытность или оригинальность», имбующая в виду евраизма, и В. Шульгина «Великая правда и великая ложь» — по украинскому вопросу.

Богаты содержанием прекрасно задуманные, посвященные русскому юности «Материалы для историко-хрестоматии русской мысли» Петра Струве. Это — живая и творческая предания русской истории.

Заметки по литературе и искусству и библиографический отдел завершают книгу.

Нельзя не пожелать возобновлению журнала самого широкого распространения: он будит мысль и дает русскому читателю здоровую духовную пищу.

Н. Кулмьан

«ЖИВАЯ АЗБУКА»

САША ЧЕРНЫЙ. Живая Азбука. Картины Ф. Рожанковского. Изд. Т-ва «Н. П. Карбасников», Париж.

Саша Черный — это единственный детский писатель в нашей эмиграции и писатель замыйный.

Он нежно любит и хорошо знает детей, и оттого каждое его слово, предназначенное для детской, доходит до сердца ребенка.

Писать для детей — это совсем особенное и чудесное дарование, которое не всегда бывает доступно даже писателям первой величины.

Саша Черный знает какой то секрет, какою то сокровенною отъ всех тайну преображения. Когда онъ сь детьми, — онъ и самъ превращается въ большого милого ребенка. И оттого его такъ любятъ эмигрантская дьтвора и такъ высоко ценятъ родители.

Его особенность — это мягкий, сочный юмор, который блестяще, как искры смьха вь глазах ребенка.

Книга «Живая Азбука» — прелестная книга, которую переписывали сь невольнымъ умиленьемъ. Какъ будто вспоминаешь свой первый лепетъ, свои первые шаги, первые игрушки... Каждая буква вь этомъ букварь сопрождается сь соответствующимъ рисункомъ.

Слонъ ужасно заблудилъ. Сливу сь косточкою съелъ.

Наивность рисунка вполне соответствуетъ тексту. Слонъ сь завязаннымъ животомъ беспомощно лежитъ на сплнъхъ, и, видимо, очень страдаетъ, бланяга.

Я не сомневаюсь, что эта книга Сашы Черного будетъ иметь большой успьхъ. Она стоить того. По такой книгѣ и вь село, и приятно учиться грамотѣ.

Гусунки г. Рожанковского — превосходны.

Александръ Яблоновский.

Литературная хроника

«Новое средневековье» Н. А. Бердяева вышло на французскомъ языкѣ вь издат. Плонъ.

Советский стихотворецъ Н. Асфевъ выпустилъ новую книгу стиховъ.

Вь Москву вьшла альманахъ художественной литературы, критики, искусства «Сего дня». Вь альманахѣ напечатаны воспоминания В. Гильаровскаго и И. Бьбузова объ ихъ газетно-журнальной дьтвельности вь 80-90-го годахъ. И ть, и другия воспоминания весьма

интересны, кратки и небрежны; имена людей мелькаютъ, не оставая сь сьбь отчетливого впечатленья. Что касается до стиховъ и беллетристики «Сего дня» — то ничего новаго советскимъ авторамъ дать не удалось: все ть же Ефимъ Зозуля и Бьра Илберъ.

Советский писатель А. Новиковъ-Прибой, писавший еще залого до революции, выпустилъ книгу расказовъ «Женщина вь морѣ». Кроме того, имъ написанъ расказъ «Ухабы», помещенный вь ном. 1 журнала «Новый Миръ». Новиковъ-Прибой не принадлежить ни кь числу особо-великихъ, ни кь числу особо-замъчательныхъ писателей. Однако черта дьлаетъ его, однако, непохожимъ на очень многихъ советскихъ авторовъ: это беззащитная живость самыхъ разнообразныхъ отъговъ, вызывающая глубокое отращение у каждого неспорченного читателя. Характерно, что правотворная критика превозноситъ его именно за «особую простодушную честность». «Честность», разуметь сь, критика называетъ оправдание и возмездиемъ всего, что дьлается советскою властью.

Вь издательствѣ «Кубуць» вышла книга К. Чуковскаго о Некрасовѣ. Вь книгѣ собраны отьдѣльные статьи о Некрасовѣ и всь, найденные вь свое время Чуковскимъ, тексты поэта.

Поэтъ-конструктивистъ Илья Сельвинский, (напечатанный вь ном. 1 журнала «Версты») нынѣ продолжаетъ вь «Новомъ Мирѣ» свою поэму «Аляващина». Одинъ отрывокъ кончается стненьемъ «Интернационала», переработаннаго Сельвинскимъ такъ:

Это былъ (труба барабанъ!) Изъ послѣднихъ — да, Раба! И рашель — живъ-жалъ! Тельный бой инь, и шахъ. Сь Ингер — пулеметы — вьшю Дамъ — пылькъ — аналогъ Воспря (труба) инь, родъ (барабанъ) Людской — дуня! Вьт!

Этотъ путь къ «непосредственности» искусство несудачно набрело на «черный примитивъ» и стало ему подражать. Художникъ двацатаго вька, рационалист и мистикъ одновременно, пожелавший вернуться кь истокамъ, дабы угадать природу «эзаноу», инстинктомъ больше чьмъ умомъ, какъ бы вновь обратился вь шамана незапамятныхъ дней, заклинатель демоновъ, и его виднья обрѣли, словно по атавизму, первобытную магию. Онъ проникся своеобразнымъ фетишизмомъ, куда болѣе жуткимъ, чьмъ подлинный фетишизмъ, потому что у дикаря — колдовская явь, а тутъ — эстетская безнужность.

Искусство Африки и Океанн — бредовое идоломство. Поистинѣ отъ «темой силы» эта скульптура, первое оформление бога по чьловьческому подобию, бога - чула и бога - чудовища, страшнаго и злого, какъ алы и страшны заврънные страхи и страсти дикаря. Поистинѣ — генина гримасничающая, бьсовъ, свирѣтыхъ эмброньовъ и вампировъ, умнротворяемыхъ жертвами, амудетами и ваклятиями. Изъ какихъ вьдъръ подосознательнаго ужаса, суевѣрія и сладоотрастия выросло вь чьловѣкѣ религиозное чувство? Статуетки мужицки и женщицки негрской породы, поржорливые раскражки, со вздутыми отъ обильныхъ приношенй животами, оскаленнымъ ртомъ и подчеркнутымъ поломъ, (ибо отъ фаллуса всь первоначальные культы) — личины полуживотныхъ-полулюдей, сь птькими клоками и рогатыми лбами, иногда вь странныхъ головныхъ уборахъ, напоминающихъ не то тарн египетскихъ первосвященниковъ, не то пернатые шлемы римскихъ легионеровъ... Первичный натурализмъ перелелась здѣсь сь древнимъ пережиткамъ александрийскаго многобожия.

Притягательная сила этнхъ фетишей, сь художественной точки зренья, безусловна. Абсолютная искренность. Насыщенность формъ духомъ первобытнаго мастера, неизблжно вь изображеннхъ и непосредственно чувствующаго природу и художественный материалъ. Ахъ, если бы научиться намъ всему этому, не впадая вь безнужную, вьшнюю подражателность и не заражаясь дикарствомъ!

Вечера вь галереѣ Мазаринъ, вь присутствн министра Эрро, открылась выставка, посвященная Людюнкъ XIV.

Среди многочисленныхъ дьвельныхъ предметовъ — много портретовъ дьтвельныхъ эпохи, начиная сь Ришелье и кончая Ватто.

Художественныя вьбьстия

ВО ФРАНЦИИ

КЪ ОХРАНѢ СТАРИНЫ
Комисия охраны историческихъ памятниковъ взяла подъ свою защиту рядъ старинныхъ зданй департамента Кальвадосъ (Нормандия), вь томъ числѣ церкви Барбевилля, Коммъ и Меза, построенныя вь XIII вькѣ. Какъ нельзя болѣе кстати пришлось распоряженне охраны на аббатство Эланъ (деп. Сартъ): вькнй парижскй антикваръ ужь приступилъ, было, къ разборкѣ надробнаго монумента королевы Беранжеръ, для экспорта вь Америку.

ПАРИЖСКИЕ АУКЦИОНЫ
За миллюнъ франковъ была распродана коллекция современныхъ картинъ, принадлежавшихъ М. Нереро и стоившихъ ему всего около 200 т. фр. Высшей дьвн достигъ «Портретъ виолочелюста» Гогена — 60.100 фр. За картины Боннара было заплачено: «Портъ молодой женщины» — 44 т., «Дьвушка сь чашкою» — 34 т., «Ферма» — 34 т. и «Обувашющая женщина» — 20.500 фр. «Наторморго» Брака пошелъ за 26.500 фр., «Чьловѣкъ сь собакой» Лезе — 12.500 фр., «Женщина сь букетомъ» Матисса — 31.500 фр., «Женщина сь ожерельемъ» Модильяна и «Женщина вь зеленой блузѣ», ванклатъ — по 28 т. фр., и мужской портретъ Ванъ-Гога — 30 тысячъ фр.

ВЫСТАВКА ЛЮДОВИКА XIV
Вечера вь галереѣ Мазаринъ, вь присутствн министра Эрро, открылась выставка, посвященная Людюнкъ XIV.

Среди многочисленныхъ дьвельныхъ предметовъ — много портретовъ дьтвельныхъ эпохи, начиная сь Ришелье и кончая Ватто.

ВЪ РОССИИ

АУКЦИОНЫ ВЪ ЗАМЬНМѢ ДВОРЦѢ
Вь Зимнемъ дворцѣ, вь помъщеннхъ прилегающихъ кь Б. Комендантскому дворьдъ, оборуется большой залъ для продажъ сь аукциона громаднаго количества предметовъ, наполняющихъ заловья музейнаго фонда.

НОВАЯ МОНОГРАФІЯ О Е. НАРБУТѢ
Учрежденнн при вьскомъ журналѣ «Библиогическія Вьстн» институтомъ «Книжничество» выпущена монография, посвященная известному русскому художнику - графнку Егору Нарбуту. Вь книгѣ — пять статей и множество иллюстрацій.

Мысли о современности

ПЕРВОБЫТНАЯ ГЕНИНА

«Черное» искусство Африки и Океанн, музыка негровъ, пляска негровъ, ткани, утарь негровъ, скульптура негровъ, идолы негровъ... Что это? Преходящая мода или знакъ судьбы?

Одно несомнѣнно: никогда эстетика не подчинялась сильнѣе вляню первобытности, никогда искусство «дикое», возвращающее насъ далеко вспьть, кь древнимъ прапращурамъ, не было соблазнительнѣе, — все новаторство наше послѣ Сезанна и Гогена, вь живописи и скульптурѣ во всякомъ случаѣ, окрашено этимъ соблазномъ.

Гдѣ же причина? Не кажется ли вамъ, что искать ее надо не вь «сознаниѣ» дикарей, а вь новомъ «дикарствѣ» цивилизации?

Какъ-то почти сразу европейскй миръ лишился двухъ, долго воодушевлявшихъ его, стимуловъ Евангеліе и Ренессансъ, богочеловьчество и чьловѣкобожество, перестали питать искусство. На смьну явились натурализмъ, прирололюбие не только безнудное, но все болѣе и болѣе независимое отъ духовной сложности чьловѣческой, выродившееся вскорѣ вь неудержимый фетишизмъ формъ, вь голое сладоотрастие глазъ...

На этомъ пути къ «непосредственности» искусство несудачно набрело на «черный примитивъ» и стало ему подражать. Художникъ двацатаго вька, рационалист и мистикъ одновременно, пожелавший вернуться кь истокамъ, дабы угадать природу «эзаноу», инстинктомъ больше чьмъ умомъ, какъ бы вновь обратился вь шамана незапамятныхъ дней, заклинатель демоновъ, и его виднья обрѣли, словно по атавизму, первобытную магию. Онъ проникся своеобразнымъ фетишизмомъ, куда болѣе жуткимъ, чьмъ подлинный фетишизмъ, потому что у дикаря — колдовская явь, а тутъ — эстетская безнужность.

НОВАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИРИКА

ИЗЪ АНДРЕ ЖИДА

Я знаю: вь сердцѣ есть упрямый Родникъ восторговъ и лучей. Онъ — самый многозвучный, самый Свободно-радостный: ничей.

Любую сьрую окрестность, Заочеть, можетъ измьнить. И бросить кь дальнимъ, въ невьбстн вьсть.

Напѣвно-солнечную нить. Но отчего-то мы привяжемъ Себя къ случайнымъ несчастьямъ, И понуемъся — пѣважамъ! Не вь силахъ двинуться: я самъ!

Такъ неуверенно, несмьло, Хотимъ по новому зажить. Вотъ, развѣ, если бы зазотѣла, Удача намъ поворожитъ!

Нашлись бы солнечныя страны, И вь нихъ любовь... Но чула вьтъ! Всѣ ть же ровныя поэмы, И тотъ же скудный, блѣдный сьвьтъ.

Ив. Тхоржевский.

Литературная хроника

«Новое средневековье» Н. А. Бердяева вышло на французскомъ языкѣ вь издат. Плонъ.

Советский стихотворецъ Н. Асфевъ выпустилъ новую книгу стиховъ.

Вь Москву вьшла альманахъ художественной литературы, критики, искусства «Сего дня». Вь альманахѣ напечатаны воспоминания В. Гильаровскаго и И. Бьбузова объ ихъ газетно-журнальной дьтвельности вь 80-90-го годахъ. И ть, и другия воспоминания весьма

интересны, кратки и небрежны; имена людей мелькаютъ, не оставая сь сьбь отчетливого впечатленья. Что касается до стиховъ и беллетристики «Сего дня» — то ничего новаго советскимъ авторамъ дать не удалось: все ть же Ефимъ Зозуля и Бьра Илберъ.

Джонъ Буль: — Я принялъ мьбры, чтобы большевикъ не могъ болѣе наступать мнѣ на ногу.

Новая французская лирика

Изъ Андре Жид

Я знаю: вь сердцѣ есть упрямый Родникъ восторговъ и лучей. Онъ — самый многозвучный, самый Свободно-радостный: ничей.

Любую сьрую окрестность, Заочеть, можетъ измьнить. И бросить кь дальнимъ, въ невьбстн вьсть.

Напѣвно-солнечную нить. Но отчего-то мы привяжемъ Себя къ случайнымъ несчастьямъ, И понуемъся — пѣважамъ! Не вь силахъ двинуться: я самъ!

Такъ неуверенно, несмьло, Хотимъ по новому зажить. Вотъ, развѣ, если бы зазотѣла, Удача намъ поворожитъ!

Нашлись бы солнечныя страны, И вь нихъ любовь... Но чула вьтъ! Всѣ ть же ровныя поэмы, И тотъ же скудный, блѣдный сьвьтъ.

Ив. Тхоржевский.

Литературная хроника

«Новое средневековье» Н. А. Бердяева вышло на французскомъ языкѣ вь издат. Плонъ.

Советский стихотворецъ Н. Асфевъ выпустилъ новую книгу стиховъ.

Вь Москву вьшла альманахъ художественной литературы, критики, искусства «Сего дня». Вь альманахѣ напечатаны воспоминания В. Гильаровскаго и И. Бьбузова объ ихъ газетно-журнальной дьтвельности вь 80-90-го годахъ. И ть, и другия воспоминания весьма

интересны, кратки и небрежны; имена людей мелькаютъ, не оставая сь сьбь отчетливого впечатленья. Что касается до стиховъ и беллетристики «Сего дня» — то ничего новаго советскимъ авторамъ дать не удалось: все ть же Ефимъ Зозуля и Бьра Илберъ.

Литературная хроника

«Новое средневековье» Н. А. Бердяева вышло на французскомъ языкѣ вь издат. Плонъ.

Советский стихотворецъ Н. Асфевъ выпустилъ новую книгу стиховъ.

Вь Москву вьшла альманахъ художественной литературы, критики, искусства «Сего дня». Вь альманахѣ напечатаны воспоминания В. Гильаровскаго и И. Бьбузова объ ихъ газетно-журнальной дьтвельности вь 80-90-го годахъ. И ть, и другия воспоминания весьма

Совѣтское описательство

Жавлицъ, старый рабочій Путиловскаго завода, вь революціи сь самого 1905 года. 9 января былъ раненъ, потомъ пряталъ у себя «вождя», вь пятомъ году и вь семнадцатомъ, заслѣзал вь сьвтѣлахъ, воевалъ, усмиралъ, — наконецъ, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьбь морские штаны, финскй ножикъ, лень работаетъ, другой — сь дьвками по залову гуляетъ». Онъ «весь пропитанъ матерщиной» и грозится сдѣлать отцу вь животѣ дырку. Жавлицъ вложнть. Есть и дочь у него — замужемъ за инструкторомъ топографической школы Сучковымъ. Варвара сь Сучковымъ познакомилась вь кинематографѣ, аскорѣ сошлась сь нимъ и «зарегистрировалась». Живутъ вмѣстѣ годъ, но не славо, вернулся на заводъ. Теперь онъ дождался торжества своего — а радости ему нѣтъ. Дѣти и внуки, идуще на смьну, она зываются лодырями и хулиганамъ. Родной смьтъ, Колька, тоже рабочій, «савель сьб